Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 97–103. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 97–103. ISSN 1998-0817
Научная статья
5.9.2. Литературы народов мира
УДК 821(73).09”19” ; 821.161.1.09”19”
EDN KQPDST
https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-97-103

ПОСТРОМАНТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ С РОМАНТИЗМОМ: «ПИСЬМА АСПЕРНА» И «ПИКОВАЯ ДАМА»

Луговцова Александра Эдуардовна, аспирант, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, winchester_alex@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0002-7726-9369

Аннотация. Новелла Г. Джеймса «Письма Асперна» (1888/1908) не единожды привлекала внимание своими перекличками с «Пиковой дамой» (1834) А.С. Пушкина. В частности, отдельные сцены и сюжетные параллели новеллы и повести были подробно откомментированы отечественными и зарубежными специалистами. Джеймсоведы не исключают, что писатель был знаком с текстом «Пиковой дамы». Замысел возник у Джеймса в первой половине 1887 г. благодаря «анекдоту» о бостонском мореплавателе, одержимом желанием отыскать письма английских романтиков через пожилую даму, водившую с ними знакомство в юные годы. Пушкинской «Пиковой даме» также приписывалась связь с традицией «анекдотов», что сближает произведения и на уровне жанровой принадлежности. Любопытна и такая схожесть сюжетных функций, как разворачивание событий в «городе на воде» (Петербург/Венеция), и то, как аристократическая игорная среда трансформируется в литературные круги эмигрантов. Выбранный ракурс сопоставления известных повестей позволяет продемонстрировать, как один сюжет используют писатели разных направлений, что делает каждое произведение текстом своей эпохи: романтической – в случае с Пушкиным и постромантической – в связи с Джеймсом.

Ключевые слова: Генри Джеймс, А.С. Пушкин, малая проза, русский романтизм, западноевропейский постромантизм, «перекличка поколений».

Для цитирования: Луговцова А.Э. Постромантический диалог с романтизмом: «Письма Асперна» и «Пиковая дама» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 97–103. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-97-103

Research Article

A POST-ROMANTIC DIALOGUE WITH ROMANTICISM: “THE ASPERN PAPERS” AND “THE QUEEN OF SPADES”

Alexandra E. Lugovtsova, Postgraduate Student, Junior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, winchester_alex@rambler.ru, https://orcid.org/0009-0002-7726-9369

Abstract. Henry James’s novella “The Aspern Papers” (1888/1908) has frequently been examined in connection with Alexander Pushkin’s “The Queen of Spades” (1834). Scholars—both Russian and Western—have analysed various parallels between the two works, including specific scenes and narrative structures. Some Jamesian scholars suggest that the author may have been familiar with Pushkin’s text. The idea for “The Aspern Papers” emerged in early 1887 from an anecdote about a Boston sailor obsessed with finding letters from English Romantic poets through an elderly woman who had once known them in her youth. Similarly, “The Queen of Spades” has been linked to the literary tradition of “anecdotes,” further aligning the two works in terms of genre. Another striking similarity lies in their settings: both stories unfold in “cities on water” (St. Petersburg and Venice), and while Pushkin’s aristocratic gambling milieu is central to his narrative, James transposes this dynamic into the world of expatriate literary circles. This comparative approach highlights how authors from different literary traditions reinterpret a shared plot structure, illustrating what makes each work a product of its respective era—Romanticism in Pushkin’s case and Post-Romanticism in James’s.

***Keywords*:** Henry James, Alexander Pushkin, short fiction, Russian Romanticism, Western European Post-Romanticism, “dialogue of generations.”

For citation: Lugovtsova A.E. A Post-Romantic Dialogue with Romanticism: “The Aspern Papers” and “The Queen of Spades”. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 97–103 (In Russ.). https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-97-103

© Луговцова А.Э., 2025

Затронутая нами тема достаточно открыто заявлена в отечественном и зарубежном литературоведении: подробно откомментированы реминисценции «Пиковой дамы» (1834) в «Письмах Асперна» (1888/1908) как минимум в десяти исследованиях. Любопытную перекличку подмечает А.А. Елистратова: в предисловии к изданию повестей и рассказов Генри Джеймса (1973 г.) исследовательница упоминает эпизод, когда «умирающая старуха… застигает своего жильца на месте преступления…» [Елистратова: 12]. Этот фрагмент, по мнению исследовательницы, роднит новеллу с «Пиковой дамой», но скорее напоминает одноименную оперную постановку П.И. Чайковского, нежели повесть Пушкина. Премьера оперы Чайковского, как известно, состоялась в конце 1890 г., и примечательно, что сочинялась она во Флоренции – городе, где и сам Джеймс работал над «Асперном» с 1887 г. Переговоры об оперной адаптации пушкинского сюжета, так или иначе, проводились в культурных кругах того времени еще до сценического воплощения, то есть приблизительно в период пребывания Джеймса в Италии, однако факт влияния остается на уровне догадок.

Более развернутые исследовательские осмысления этого «странного сближения» в основном сосуществовали в рамках контактно-генетических связей и типологических сопоставлений. Почти одновременно с комментарием Елистратовой выходит статья английского литературоведа Э.Д. Бриггса о возможном влиянии Пушкина на Джеймса, где акцентируется не только параллель «Писем Асперна» с «Пиковой дамой», но и затрагиваются другие возможные пушкинские влияния на англо-американского писателя[1]. Пушкиноведы, в свою очередь, обнаруживают справедливые текстуальные совпадения между новеллой и повестью (подробнее см.: [Есипов]). Отечественные джеймсоведы также упоминают об этом исследовании, однако, по их мнению, «сравнительному анализу подвергается не оригинал повести Джеймса, а ее русский перевод» и, как следствие, «возникающие у русскоязычного читателя пушкинские аллюзии могут быть отнесены за счет сознательной (или бессознательной) ориентации переводчика на типологически сходные национальные образцы» [Анцыферова: 102], что, кстати, действительно заметно при чтении новеллы Джеймса в переводе[2]. Такое замечание может быть и справедливо, если основывать наблюдение на русскоязычных текстах. Однако сам факт существования иноязычных исследований на заявленную тему (см. некоторые из них: [Briggs; Comwell, 1990, 2004; Voisine-Jechova]) противоречит этому наблюдению.

Исследователями отмечено, что «Пиковая дама» была интегрирована в европейскую культуру благодаря переводу на французский Проспером Мериме в 1849 г. Перевод подвергался дальнейшей доработке: окончательная редакция была выпущена в 1852 г., однако в переводе сохранилось некоторое количество неточностей (подробнее об этом см.: [Боброва]), и переиздания на этом не заканчивались. Так или иначе, повесть была известна в литературных кругах того времени, и не без помощи И.С. Тургенева. В 1875–1876 гг. Г. Джеймс проживал в Париже, где он встречался с членами «кружка Флобера», в том числе и с Тургеневым, ставшим для него близким наставником. Тургенев исправно снабжал своего младшего друга новостями о культурной жизни России и Европы, в том числе и литературными новинками. Джеймс всегда покидал своего русского учителя «в состоянии “внутреннего возбуждения”, с ощущением, что “ему предложены все возможные литературные ценности”» (цит. по: [Гулевич: 31]).

Будучи признанным литературным гением, создавшим крупные произведения в период с 1820-х по 1830-е годы, то есть на исходе западноевропейской романтической эпохи, Пушкин оказал глубокое влияние на русский романтизм, и примечательно, что из французских писателей, входящих в «главу» о романтизме, наиболее тесную связь имел с П. Мериме[3]. Тем не менее оценка отношения Пушкина к романтизму остается спорной, несмотря на созвучие его творчества традиционным темам романтизма (превознесение свободы от социальных и культурных ограничений, эмотивность, проявление иронии, жанрового разнообразия, интереса к народной литературе и истории). «Пиковая дама», так или иначе, создавалась в этом ключе.

Новелла Г. Джеймса, безусловно, творилась в иных культурных реалиях, и мы имеем полное право определить эти реалии как постромантические. Несмотря на то, что многие исследователи указывали на схожесть сюжетного построения повести Пушкина и новеллы Джеймса, они редко обращали внимание на различия романтических и постромантических повествовательных техник. Научная новизна статьи и заключается в аналитическом изучении не только сходств произведений, но и их повествовательных отличий.

* * *

Сюжет «Пиковой дамы» А.С. Пушкина не требует предварительного изложения, поскольку, безусловно, известен русскоязычному читателю еще со школьной скамьи. Новелла «Письма Асперна» (*The Aspern Papers*) не снискала широкой известности у аудитории, потому обратимся к ее краткому содержанию.

Роль повествователя новеллы отведена безвестному литературному издателю американского происхождения, поклоннику вымышленного покойного поэта-романтика Джеффри Асперна (также американец). Герой замышляет завладеть письмами поэта к его бывшей возлюбленной, Джулиане Бордеро, которые, как он полагает, все еще у нее хранятся. Джу-

лиана, ныне пожилая женщина, живет в Венеции со своей племянницей Тиной, «дамой бальзаковского возраста». Охотник за рукописями представляется вымышленным именем (которое читателю, кстати сказать, остается неизвестным, как и его настоящее имя) и притворяется, что является бескорыстным поклонником творчества Асперна. Он снимает комнаты в их палаццо за высокую цену, завоевывает доверие Тины и пытается собрать как можно больше интимных подробностей о жизни Асперна. В конечном итоге герой прокрадывается к секретеру дамы в надежде заполучить письма. Далее следует ключевая сцена, напоминающая ключевую сцену «Пиковой дамы». После похорон старой дамы издатель пытается выкупить рукописи, но племянница может допустить его к семейному наследию, только если он станет членом их семьи, то есть женится на ней.

Тема почти маниакальной погони за чужой тайной определяет сюжет «Асперна» и «Пиковой дамы», но стоит отметить и схожесть художественных деталей: молодой человек – неизвестный, но представительный *иностранец*; старуха, сравнивающаяся с ведьмой[4]; женщина помоложе – робкая и полностью подчиненная пожилой (Лизавета Ивановна и Тина); огромный дом, похожий на дворец; темный, непроницаемый будуар с реликвиями; зеленый цвет как элемент таинственности; «оживленные глаза» старухи и даже схожее движение поднятых рук перед смертью[5]. Таких примеров много. В обоих текстах также используется повествовательный прием нагнетания тревожного ожидания (suspense). Однако у Пушкина события развиваются стремительно, а у Джеймса – неторопливо.

Как же эта «постромантическая» неторопливость выражается у Джеймса? Повествование в новелле Джеймса представлено внутренним монологом издателя, его долгими размышлениями, наблюдениями и манипуляциями. «Ненадежность» повествователя заставляет читателя сомневаться в достоверности его мотивов. Герой зацикливается на приобретении любовной переписки покойного поэта, и такого рода стремление можно было бы оправдать его интеллектуальной тягой и профессиональными требованиями литератора, однако его действия выходят за рамки этических норм. Для героя-рассказчика Асперн – излучающее свет божество. Герой его идеализирует, потому таким важным ему кажется обретение его автографов. Однако повествователь не действует в рамках приличия, дабы их получить, а встает на неправедный путь обмана[6]. Сюжет в связи с этим разворачивается как своеобразная детективная история. Существуют ли эти письма на самом деле? Сможет ли охотник за рукописями быть искренним в человеческих взаимоотношениях? Читатель понимает, что Джулиана не хочет делиться письмами просто так. Очевидно, что героиня заботится о том, чтобы обеспечить безбедное будущее для своей племянницы. Возможно, Джулиану привлекла бы идея принести более широкое общественное признание своему бывшему поэту-возлюбленному и/или сохранить свое место в его истории, если бы она могла быть уверена в благонадежности издателя. Предположений много, но Джеймс оставляет читателя без определенных ответов.

Германн, главный герой Пушкина, «лицо истинно романическое», становится одержим мистическим секретом графини о трех «волшебных» картах, знание которых приведет его к богатству. Пушкинская повесть более сжата: психологические нюансы пусть и значительны, но все же основное внимание здесь акцентировано на внешних событиях – аффективное расстройство Германна проявляется в его поступках, а не во внутренних размышлениях. Как замечают пушкиноведы, «повествование двусмысленно совмещает внешнюю (“реальную”) точку зрения на события и внутреннюю (“фантастическую”) точку зрения самого героя. <…> Автор всеведущ во всех реальных подробностях, но его знание и повествование останавливается перед областью “тайны”» [Бочаров: 190, 200–201], что наводит на мысль о повествовательной организации пушкинского текста, свойственной механизмам построения романтической новеллы. Концепция романтической двойственности укоренилась в тексте на множестве уровней, и не в последнюю очередь в изображении практически всех персонажей этой истории.

Исследователи неоднократно развивали мысль о том, как поэтика повести вбирает в себя принцип игры в «фараон»[7], а «повествование с ироническим благодушием вводит читателя в забавные последствия игры» [Виноградов: 77]. В рамках семиотического подхода азартная игра в XVIII – начале XIX в. воспринималась как модель социума, «становясь языком, на который переводились разнообразные явления внешнего <…> мира» [Лотман: 797]. «Фараон» в литературе тех лет, тем самым, предстает как модель жизни, как игра с неизвестностью и случаем – «случаем», не случайно прозвучавшим в качестве реплики-реакции на анекдот о выигрыше графини; последовавшая за этим реакция Германна – «Сказка!», – будто бы соединила рассудок и предрассудок, навлекла и сам фатальный случай развития ситуации, и «сказочный» к ней фон.

Вернемся же к новелле Джеймса и ее контексту, для чего необходимо прибегнуть к текстологической справке. История об Асперне возникла у писателя в связи с «анекдотом» о бостонском мореплавателе-энтузиасте, который надеялся выкрасть письма лорда Байрона и П.Б. Шелли у Клэр Клермонт, их бывшей подруги, на тот момент пожилой дамы, проживающей с воспитанницей во Флоренции (где

обосновался Джеймс). Текст изначально был опубликован в выпусках журнала *The Atlantic Monthly* за март – май 1888 г., а в 1908 г. писатель переосмыслил[8] свою новеллу и написал к ней предисловие, в котором размышлял над «привлекательностью» романтического периода, «заключенной, скорее, в “особом эффекте”, в какой-то глубокой ассоциативной силе, чем в присущем ей внутреннем преимуществе» (“an appeal residing doubtless more in the ‘special effect’, in some deep associational force, than in a virtue more intrinsic”) [James: xxxii]. Поколение романтиков (последнее десятилетие XVIII – первое десятилетие XIX в.), по его мнению, находится на стыке между прошлым и настоящим, между историей и памятью, между желанием прикоснуться к прошлому как к чужому и в то же время ощутить его как свое собственное настоящее. В том же предисловии он характеризует это как *visitable past* (или *the Byronic Age*): «…осязаемое, воображаемое, доступное для посещения прошлое, более близкие расстояния и более ясные тайны, знаки и отметки мира, до которого можно дотянуться… драгоценный элемент близости, так много говорящий о связях, но так сильно улавливающий различия» (“a palpable imaginable visitable past—in the nearer distances and the clearer mysteries, the marks and signs of a world we may reach over to… the precious element of closeness, telling so of connexions but tasting so of differences”) [James: xxxi]. Эта формула предполагает разрыв между поколениями примерно в 60–70 лет. Любопытно, что и в «Пиковой даме», которая написана на исходе романтической эпохи (в Англии в 1834 г. исполнилось 10 лет с года гибели последнего представителя поколения «младших романтиков» – Байрона) прослеживается тот же таинственный разрыв поколений, а сюжетная коллизия, если подходить к ней с этого ракурса, даже не столько в тайне трех карт, сколько в тайне самой фигуры графини, окруженной ореолом тех далеких и одновременно близких времен (как, собственно, и Джулиана Джеймса). Небезынтересно и то, что Пушкин указывает на ту же дистанцию между поколениями бабушек и их внуков, измеряя ее шестью десятилетиями: «Надобно знать, что бабушка моя, лет *шестьдесят*[9] тому назад…», «…и одевалась так же долго, так же старательно, как и *шестьдесят* лет тому назад», «По этой самой лестнице… может быть лет *шестьдесят* назад… прокрадывался молодой счастливец, давно уже истлевший в могиле…» [Пушкин: 228, 231, 245].

Итак, оба писателя затрагивают некое ассоциативное ощущение прошлого. Перенос Джеймсом сюжета из Флоренции в мифическую, «летающую», солнечную Венецию способствовало воссозданию этого воображаемого прошлого. Меланхоличный, холодный Петербург, обладающий тем же мифическим статусом в русской литературе (известный как Пальмира Севера, Северная Венеция), в свою очередь, не давал покоя воображению Пушкина. Атмосфера XVIII в. входит в повесть через антураж дома графини, а также выражается в отсылках на Казанову, «просвещенный век» и парижское общество. Французский опыт княгини Н.П. Голицыной, известный прототип старой графини, способствовал мифологизации аристократических традиций и практик, мелькающих в «Пиковой даме». Аристократическое общество того времени, как пишут исследователи, славилось искусством вести галантную беседу, «непреложными качествами которой считались естественность и в то же время игровой характер». Именно как шутку воспринимает старая графиня историю трех карт, как дань остроумию. Обращение же Германна с графиней весьма отличается от галантного почитания женщины. «Старая, аристократическая, общежительная, веселая культура», тем самым, «вытесняется новой, демократической, индивидуалистической, серьезной (“сердитой”)» [Гречаная: 47]. «Письма Асперна» также изобилует обращениями к байронической эпохе, к «изощренной Венеции Казановы и Гольдони в стиле рококо» (“<Her tone, hadn’t it been so decent, would have seemed to carry one back to> the queer rococo Venice of Goldoni and Casanova” [James: 40]). Мотив воды, вероятно, самый повторяющийся литературный символ, источник жизни и смерти, также привносит своеобразную метафоризацию художественного пространства. Все это рисует своеобразный историко-литературный палимпсест, конструирует вневременную художественную реальность.

Зрелая проза Джеймса фактически строится на психологических нюансах и неоднозначности, что является характерным признаком постромантической художественной техники. Вспомнить, хотя бы, саму фигуру Джеффри Асперна, вымышленного американского поэта. Высказываются предположения, что, не взирая на Байрона и Шелли, Джеймс воплощал в этом образе черты своих соотечественников-«романтиков» – Н. Готорна, Э.А. По, У. Уитмена. Однако некоторые исследователи находят здесь и черты А.С. Пушкина, как бы запрятанного в фамилии загадочного поэта новеллы Джеймса (*АСП*ерн) [Анцыферова: 107].

Контраст между живым и мертвым, настоящим и прошлым также играет важную роль в этих сюжетах. Герой Джеймса одержим идеей запечатлеть и сохранить прошлое, можно сказать эстетизировать его. Однако Джулиана Бордеро – не просто персонаж в погоне издателя за новыми знаниями, но и неотъемлемая часть той истории, единственный живой источник сведений той эпохи. Отказ отдать личные документы представляет своего рода вызов навязчивому стремлению героя. Пушкинская графиня, объект одержимости Германна, хоть и олицетворяет та-

инственное прошлое, все же не является активным персонажем в том смысле, в каком является Джулиана. Старая женщина у Пушкина не столько персонаж, обладающий собственной волей, сколько катализатор падения главного действующего лица. Это принципиально отличает их взаимодействие с Германном, построенное скорее на монологе последнего, от «драматических» диалогов рассказчика с Джулианой в новелле Джеймса.

Даже любовная линия здесь воплощает в значительной степени отстраненное, интеллектуальное желание, «романтизированный» взгляд на прошлое. Попытки ухаживания героя за Тиной преломляются через призму представления об отношениях Асперна и Джулианы и не несут в себе никакой искренности. Своими хищническими действиями по отношению к чужой любви герой все дальше отходит от понимания истинных человеческих чувств. Романтические элементы в пушкинской истории затмеваются жадностью Германна – он относится к Лизавете как к «ступеньке» на пути к своей «великой» цели. Романтическое отчуждение, условно говоря, перетекает в постромантический вариант конфликта, его трудноразрешимую версию.

Парадоксальная основа авторской концепции воплощается и в самой повествовательной форме: Джеймс преобразил сюжет так, что происходящие события и действия персонажей постоянно противоречат ожиданиям читателей и меняют восприятие. Сама природа парадоксальности, если обращаться к ней в рамках того «байронического века» (а равно и пушкинского), который так хотел передать писатель, лежит в основе «романтической иронии» – сосредоточенности не на осязаемой реальности, а на недоступном для восприятия идеале, ее формирующем[10]. Чем интенсивнее воспоминание о якобы романтичной Венеции и ее прошлом, тем более ироничен и сам повествователь-энтузиаст, разрушающий это прошлое. В то же время чем отчетливее его современная недобросовестность в стремлении к рукописям, тем более эффектна противоположная ей подлинная тяга романтиков к прекрасному. Не менее интересно такая ироническая парадоксальность отслеживается и в пушкинской повести. Ирония, по мнению пушкинистов, «разъедает ткань повествования» [Виролайнен: 170] в «Пиковой даме». Очевидно, что «анекдот» Томского, интригующий своим авантюрным ореолом, распалил и без того пылкое воображение Германна. Герой не может устоять перед тайной старухи и создать необходимую дистанцию между идеализированным, «сверхъестественным» содержанием и своими реальными возможностями. Зацикленность на увеличении «капитала» противоречит его страстным порывам. Монолог Германна, который он произносит перед графиней, сначала исполнен страстной мольбы, а затем гневом игрока, которому отказываются раскрывать тайну. Жажда власти захватывает и поглощает его так, что он, на пороге достижения желаемого, в конце концов допускает ошибку по невнимательности. Попытка обмануть судьбу оказалась для героя роковой: «судьба наказывает Германна за предательство по отношению к жизни и к самому себе» [Виролайнен: 174].

Итак, в рамках различных традиций, культурных контекстов и механизмов повествования один сюжет окрашивается разными красками. Обе повести объединяет основная тема: острое чувство истории, которое воплощает «живая реликвия» прежних времен, и маниакальное стремление раскрыть ее тайну. Пушкин внедрил в свою «Пиковую даму» двойственную мотивировку – реальную и фантастическую, присущую сюжетному механизму романтической новеллы. Постромантическая новелла Джеймса строится иначе, скрывая в себе множественные смыслы. Обработка сюжета, тем самым, подчинена законам литературной эволюции. Германн закономерно расплачивается за свои преступления, что нельзя сказать про героя Джеймса: его судьба покрыта «дымовой завесой». Метафорическая «игра в загадки» перерастает в литературную игру с читателем: у Пушкина – по законам начала XIX века, у Джеймса – по законам его конца.

Примечания

[1] Автор подмечает существенную связь между «Асперном» и пушкинским «Медным всадником» через один важный эпизод. Рассказчик новеллы Джеймса ближе к концу повествования натыкается на статую Бартоломео Коллеони. По мнению исследователя, «читатель, знакомый с Пушкиным, будет поражен сходством между этой сценой и между пушкинским героем и статуей Петра» [Briggs: 59]. Обе статуи исторических личностей, в момент противопоставления их героям, напоминают читателям о мелочности локальных человеческих конфликтов. Столь изысканное отступление на мгновение останавливает само движение времени и рисует широкую перспективу, на фоне которой следует оценивать все более локализованное и эгоцентричное поведение рассказчика новеллы.

[2] Новелла «Письма Асперна» была впервые переведена на русский язык Е.Д. Калашниковой в 1973 г.

[3] Для иллюстрации вспомним эпизод «обратного перевода» Пушкиным Мериме и Мериме Пушкина: стихотворный цикл «Песнь западных славян» (1835) Пушкин заимствовал из прозаический мистификации Мериме *La Guzla* (1827), представляющей собой будто бы песни юго-западных славян, переведенные на французский язык с иллирийского. Мериме, в свою очередь, подарил французской литературе несколько переводов пушкинских повестей.

[4] “She was such a subtle old witch that one could never tell where one stood with her” [James: 62] / «– Старая ведьма! – сказал он, стиснув зубы» [Пушкин: 242]. (В переводе Мериме, кстати, “maudite vieille” упоминается два раза.)

[5] “She waved me off with her old hands, retreating before me in horror; and the next thing I knew she had fallen back with a quick spasm, as if death had descended on her, into Miss Tina’s arms” [James: 79] / «При виде пистолета графиня во второй раз оказала сильное чувство. Она закивала головою, и подняла руку, как бы заслоняясь от выстрела… Потом покатилась навзничь… и осталась недвижима» [Пушкин: 242].

[6] Подробнее об аспекте «обретения богатства неправедным путем» в связи с обозначенной темой см.: [Белова].

[7] Фараон – карточная игра, популярная во Франции конца XVIII в. Игроки ставят свои фишки на карту, которая, по их мнению, выиграет. Затем «банкомет» игры вытягивает две карты: одну карту от себя и одну карту игрока. Любая ставка, сделанная на число, совпадающее с картой игрока, выигрывает, а все, что совпадает с картой банкомета, проигрывает. В игре используется скорее случай, чем мастерство: игроки совершают символический жест, ставя на саму судьбу, поскольку у них нет возможности распоряжаться картами. Когда читатель впервые встречает Германна, он сидит за карточным столом и внимательно наблюдает за игроками, не участвуя в игре сам. Он очарован игрой, но отказывается играть, мотивируя это своей причиной: «…я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее» [Пушкин: 227].

[8] Кстати сказать, первый полный перевод «Пиковой дамы» на английский язык вышел только в 1892 г., что не исключает возможного знакомства Джеймса с этим произведением в момент позднейшего редактирования своего сочинения для нью-йоркского собрания.

[9] Курсив в данном цитировании наш. – *А. Л.*

[10] Подробнее о терминологии в романтическом контексте (в том числе и в свете «Пиковой дамы») см.: [Shrayer].

Список литературы

Анцыферова О.Ю. Джеймс и Пушкин // Национальная специфика произведений зарубежной литературы XIX–XX веков: Литературные связи, типология, интертекст. Иваново: ИвГУ, 2001. С. 101–111.

Белова Т.Н. Трансформация пушкинской темы («Пиковая дама») в повести Г. Джеймса «Письма Асперна» (1888) // Александр Сергеевич Пушкин как культурный феномен: материалы II Всерос. науч.-практ. конф.; Санкт-Петербург, 6 июня 2024 г. Санкт-Петербург: СПГХПА им. А.Л. Штиглица, 2024. С. 5–11.

Боброва Е.И. Перевод П. Мериме «Пиковой дамы» // Пушкин: Исследования и материалы. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 354–361.

Бочаров С.Г. «Пиковая Дама» // Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. Очерки. Москва: Наука, 1974. С. 186–206.

Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 2. С. 74–147.

Виролайнен М.Н. Ирония в повести Пушкина «Пиковая дама» // Проблемы пушкиноведения: сб. науч. трудов / отв. ред. Е.А. Маймин. Ленинград: Госпединститут, 1975. С. 169–175.

Гречаная Е.П. Две заметки к теме «Пушкин и Франция». Ч. 2. Французский контекст «Пиковой дамы // Россия и Франция: диалог культур: статьи и материалы / сост. Е.Е. Дмитриева, А.Ю. Сорочан, А.Ф. Строев. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2015. С. 43–49.

Гулевич Е.В. Г. Джеймс и И. Тургенев: формы и этапы рецепции. Гродно: ГрГУ, 2014. 127 с.

Елистратова А. Предисловие // Джеймс Г. Повести и рассказы / пер. с англ.; сост. А. Елистратовой. Москва: Худож. лит., 1973. С. 3–18.

Есипов В.М. Пушкинские реминисценции в «Письмах Асперна» // Московский пушкинист: ежегодный сборник / сост. и науч. ред. В.С. Непомнящий. Москва: ИМЛИ РАН: Наследие, 1995. С. 279–284.

Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990. «Евгений Онегин»: Комментарий. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1995. С. 786–814.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 8, кн. 1. С. 225–252.

Briggs A.D. Alexander Pushkin: A Possible Influence on Henry James. Forum for Modern Language Studies, 1972, vol. 8, no. 1, pp. 52–60.

Comwell N. Pushkin and Henry James. Comwell N. The Literary Fantastic: From Gothic to Postmodernism. New York, London, Harvester Wheatsheaf, 1990, pp. 113–139.

Comwell N. Pushkin and Henry James: Secrets, Papers and Figures (“The Queen of Spades”, “The Aspern Papers” and “The Figure in the Carpet”). Two Hundred Years of Pushkin, ed. by R. Reid, J. Andrew. Amsterdam, Editions Rodopi, 2004, vol. 3, pp. 193–208.

James H. The Aspern Papers and Other Stories, ed. with an introd. and notes by A. Poole. Oxford, New York, Oxford University Press, 1991, 212 p.

Scales J.N. The Ironic Smile: Pushkin’s “The Queen of Spades” and James’ “The Aspern Papers.” CLA Journal, 1991, vol. 34, no. 4, pp. 486–490.

Shrayer M.D. Rethinking Romantic Irony: Puškin, Byron, Schlegel and “The Queen of Spades.” The Slavic and East European Journal, 1992, vol. 36, no. 4, pp. 397–414.

Voisine-Jechova H. Le Secret de la Vieille Dame: A.S. Puškin et Henry James. Revue de Littérature Comparée, 1995, vol. 69, no. 3, pp. 263–271.

References

Antsyferova O.Iu. *Dzheims i Pushkin* [James and Pushkin]. *Natsional'naia spetsifika proizvedenii zarubezhnoi literatury XIX–XX vekov: Literaturnye sviazi, tipologiia, intertekst* [National Specifics of Works of Foreign Literature of the 19th–20th Centuries: Literary Connections, Typology, Intertextuality]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2001, pp. 101–111. (In Russ.)

Belova T.N. *Transformatsiia pushkinskoi temy ("Pikovaia dama") v povesti G. Dzheimsa "Pis'ma Asperna" (1888)* [The Transformation of the Pushkin Theme ("The Queen of Spades") in H. James's Novella "The Aspern Papers" (1888)]. *Aleksandr Sergeevich Pushkin kak kul'turnyi fenomen: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf.; Sankt-Peterburg, 6 iiunia 2024 goda* [Alexander Pushkin as a Cultural Phenomenon: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, June 6, 2024]. St. Petersburg, Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design Publ., 2024, pp. 5–11. (In Russ.)

Bobrova E.I. *Perevod P. Merime "Pikovoi damy"* [P. Mérimée's Translation of "The Queen of Spades"]. *Pushkin. Issledovaniia i materialy* [Pushkin: Studies and Materials]. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1958, vol. 2, pp. 354–361. (In Russ.)

Bocharov S.G. *"Pikovaia Dama"* ["The Queen of Spades"]. Bocharov S.G. *Poetika Pushkina. Ocherki* [Poetics of Pushkin: Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 186–206. (In Russ.)

Elistratova A. *Predislovie* [Preface]. *Dzheims G. Povesti i rasskazy* [James H. Stories and Tales], trans. from English, comp. by A. Elistratova. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1973, pp. 3–18. (In Russ.)

Esipov V.M. *Pushkinskie reministsentsii v "Pis'makh Asperna"* [Pushkin's Reminiscences in "The Aspern Papers"]. *Moskovskii pushkinist: ezhegodnyi sbornik* [Moscow Pushkinist: An Annual], comp, ex. ed. by V.S. Nepomniashchii. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 1995, pp. 279–284. (In Russ.)

Grechanaia E.P. *Dve zametki k teme "Pushkin i Frantsiia". Ch. 2. Frantsuzskii kontekst "Pikovoi damy"* [Two Notes on the Topic "Pushkin and France". Part 2: The French Context of "The Queen of Spades"]. *Rossiia i Frantsiia: dialog kul'tur: Stat'i i materialy* [Russia and France: Dialogue of Cultures: Articles and Materials], comp. by E.E. Dmitrieva, A.Iu. Sorochan, A.F. Stroev. Tver', M. Batasova Publ., 2015, pp. 43–49. (In Russ.)

Gulevich E.V. *G. Dzheims i I. Turgenev: formy i etapy retseptsii* [H. James and I. Turgenev: Forms and Stages of Reception]. Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 2014, 127 p. (In Russ.)

Lotman Iu.M. *"Pikovaia dama" i tema kart i kartochnoi igry v russkoi literature nachala XIX veka* ["The Queen of Spades" and the Theme of Cards and Card Games in Russian Literature of the Early 19th Century]. Lotman Iu.M. *Pushkin: Biografiia pisatelia. Stat'i i zametki, 1960–1990. "Evgenii Onegin": Kommentarii.* [Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960–1990; Eugene Onegin: Comments]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1995, pp. 786–814. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii*: v 16 t. [Complete Works: in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1940, vol. 8, iss. 1, pp. 225–252. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Stil' "Pikovoi damy"* [The Style of "The Queen of Spades"]. *Pushkin. Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin. Bulletin of the Pushkin Commission]. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1936, vol. 2, pp. 74–147. (In Russ.)

Virolainen M.N. *Ironiia v povesti Pushkina "Pikovaia dama"* [Irony in Pushkin's Tale "The Queen of Spades"]. *Problemy pushkinovedeniia: sb. nauch. trudov* [Problems of Pushkin Studies: A Collection of Research Papers], ed. by E.A. Maimin. Leningrad, Gospedinstitut Publ., 1975, pp. 169–175. (In Russ.)

Briggs A.D. Alexander Pushkin: A Possible Influence on Henry James. Forum for Modern Language Studies, 1972, vol. 8, no. 1, pp. 52–60.

Comwell N. Pushkin and Henry James. Comwell N. The Literary Fantastic: From Gothic to Postmodernism. New York, London, Harvester Wheatsheaf, 1990, pp. 113–139.

Comwell N. Pushkin and Henry James: Secrets, Papers and Figures ("The Queen of Spades", "The Aspern Papers" and "The Figure in the Carpet"). Two Hundred Years of Pushkin, ed. by R. Reid, J. Andrew. Amsterdam, Editions Rodopi, 2004, vol. 3, pp. 193–208.

James H. The Aspern Papers and Other Stories, ed. with an introd. and notes by A. Poole. Oxford, New York, Oxford University Press Publ., 1991, 212 p.

Scales J.N. The Ironic Smile: Pushkin's "The Queen of Spades" and James' "The Aspern Papers." CLA Journal, 1991, vol. 34, no. 4, pp. 486–490.

Shrayer M.D. Rethinking Romantic Irony: Puškin, Byron, Schlegel and "The Queen of Spades." The Slavic and East European Journal, 1992, vol. 36, no. 4, pp. 397–414.

Voisine-Jechova H. Le Secret de la Vieille Dame: A.S. Puškin et Henry James. Revue de Littérature Comparée, 1995, vol. 69, no. 3, pp. 263–271.

Статья поступила в редакцию 15.03.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 15.03.2025; approved for reviewing 17.03.2025; accepted for publication 20.03.2025.